

Андрей Володин

Рец. на: М.М. Кром. Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.

Andrei Volodin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: M.M. Krom. Vvedenie v istoricheskuyu comparativistiku. Saint Petersburg, 2015

Историческая компаративистика – новый термин для сравнительных исследований в истории. Однако труд профессора исторической компаративистики Европейского университета в Санкт-Петербурге М.М. Крома можно назвать проявлением уверенности автора в том, что он войдёт в обиход исследователей, а систематическое историческое сопоставление станет общепринятым. Парадокс состоит в том, что сравнительный метод хорошо известен со времен первых исторических наблюдений человека, но его методологическое осмысление, как и многочисленные споры о «сравнимости» явлений и процессов, стали результатом развития социальных наук лишь в XIX–XX вв. Даже сегодня, по словам К. Гинзбурга, «сравнительная история находится в стадии становления» (с. 8). И хотя ссылки на сравнительно-исторический метод исправно встречаются в авторефератах диссертаций, а сам он неизменно фигурирует на страницах книг по методологии истории, кажется общепринятым и классическим, однако его формализация и операционализация, как показал Кром, остаются весьма проблематичными. Поэтому не удивительно, что и ныне можно встретить точку зрения, что «сравнительного метода в истории не существует» (с. 11).

В рецензируемой работе, являющейся не просто учебным пособием, но и многогранным историографическим ис-

следованием, и своего рода манифестом компаративистики, сделана вполне успешная попытка сформулировать методологию исторического сравнения. Автор умело объединил теоретические наблюдения о сравнении в истории с анализом конкретных образцов компаративистских исследований. Отличительная черта книги – постоянное обращение к блистательно удачным или поучительно неудачным опытам в этой области. Тем самым, методологические дискуссии, можно сказать, проходят проверку на прочность, причем россыпь выдающихся имён и книг, которая предстает перед читателем на страницах работы, по-настоящему впечатляет.

Книга состоит из трёх частей: в первой прослежены основные вехи развития исторического сравнения от Геродота до наших дней, вторая посвящена проблеме сравнительного метода в истории, функциям и типам исторических сопоставлений, а третья представляет собой обзор новейших историко-сравнительных исследований по экономической, политической, социальной истории (отдельно – по истории России). Книга снабжена внушительной тематически организованной библиографией (с. 225–242), охватывающей ключевые работы как о сравнительном методе, так и о его применении на русском, английском, немецком и французском языках.

Кром убедительно показал, что само по себе наличие сопоставления в исто-

рическом исследовании ещё не говорит о применении рассматриваемого метода. Более того, часто оно, например у античных авторов, – лишь удобный риторический приём, а вовсе не систематическое наблюдение. Видимо, к сравнению как к способу систематического осмысления прошлого впервые приходят историки-философы эпохи Просвещения. Наследниками же этого направления стали социологи, антропологи, лингвисты. По мнению Крома, «XIX столетие стало эпохой триумфа сравнительного метода, который прочно утвердился во всех естественных, социальных и гуманитарных науках – во всех, кроме истории!» (с. 24). Действительно, логика развития позитивных знаний сама подводила к необходимости сопоставления, но в истории утвердилось крайне осторожное отношение к нему как к возможной почве для ложных аналогий. В свою очередь сторонники неокантианского разделения наук на номотетические (устанавливающие законы) и идеографические (описывающие особенности) относили его к инструментарию первых, так как сравнение отдельных фактов казалось лишённым смысла.

Ключевым моментом для становления сравнительного метода как инструмента исторического исследования автор справедливо считает появление работ М. Блока, одного из первых сознательных историков-компаративистов, в частности, его статьи «К сравнительной истории европейских обществ» (1928). В статье «Сравнение» для «Исторического словаря» Блок чётко сформулировал полезные эффекты этого способа познания: предложения для будущих исследований, сопоставление далеко отстоящих друг от друга обществ, изучение влияний, прослеживание преемственности, поиск сходств, различий и даже причин. Однако настоящий подъём исторической компаративистики наблюдался уже после Второй мировой войны, когда, по словам Т. Шидера, «громадный рост научной информации перерос все национальные границы» (с. 61). Кромю удалось убедительно показать актуальность сравнительных подходов в послевоенном мире, а также ясно продемонстрировать возможности и ограничения новых компаративных парадигм – истории куль-

турных трансферов, «перекрёстной» и транснациональной истории, сравнительно-исторической социологии. В результате многоцветная палитра сравнительных исследований на страницах книги складывается в процесс со своей логикой, своими героями и камнями преткновения.

Кром предложил и весьма оригинальный способ определения научного метода, который, по его мнению, принципиально отличен от научного подхода тем, что легко описывается как последовательность операций, воспроизводится, является анонимным, свободным от идеологии, существует длительное время и не связан с каким-то одним научным направлением или мировоззрением (с. 127). Исходя из таких характеристик, он пришёл к выводу, что «единого сравнительно-исторического метода как обязательного набора процедур, выполняемых в строго определённом порядке, конечно, не существует» (с. 130). Однако накоплен уже достаточно большой опыт ценных сравнительных наблюдений, которые могут послужить примером и ориентиром для историков-компаративистов. Удачное применение сравнительного метода, как автор показал на страницах книги, зависит от корректного выбора объектов для исторического сопоставления. Этот выбор тесно связан с постановкой проблемы конкретного исследования, равно как и с тем, в какой сравнительный ряд учёный решит встроить изучаемое явление.

Весьма поучительными могут оказаться и советы начинающим компаративистам. Во-первых, автор справедливо указывает на необходимость чётко сформулировать вопрос, на который сравнение сможет дать ответ, иначе, по меткому замечанию Ш. Бергера, «вместо сравнения мы просто будем рассказывать параллельные истории» (с. 157). Во-вторых, полезным и важным является совет сопоставлять исторические явления только в каких-то определенных отношениях (идея, высказанная Х.-Г. Хауптом и Ю. Коккой). Из этого следует, что «такие сложные системы, как общества или государства в целом, не могут служить объектами сравнения» (с. 157). Подобный подход позволяет отличить систематическое научное сравнение от вольной публицистической

метафоры. И, наконец, удачное сравнение должно быть сфокусировано на каком-то одном процессе, явлении, институте.

Таким образом, формулируется структура сравнительно-исторического исследования: «избранная учёным центральная проблема (ход некоего процесса, эволюция того или иного института и т.д.) должна стать связующим звеном, “третьим элементом” (*tertium comparationis*), задающим линию сравнения, которую образуют отдельные сопоставляемые “кейсы”, относящиеся (в логическом плане) к той же самой категории» (с. 159). При этом историческая профессия позволяет избрать лишь небольшое число таких «кейсов», так как иначе есть риск оторваться от источников и оказаться в зависимости от выводов других историков. Данный тезис выглядит убедительно и подкреплён вескими доводами ведущих исследователей. Но сразу возникает вопрос, а возможно ли, скажем, сравнительно-историческое исследование глобализации, когда двумя–тремя «кейсами» явно не обойтись?¹ Или индустриализации в Европе? Ответом на этот вопрос могут стать коллективные проекты, имеющие общую понятийную и концептуальную базу.

Судьба отечественной исторической компаративистики во многом складывалась на основе не столько сравнения, сколько противопоставления прошлого России и Западной Европы, актуального и в имперский, и в советский периоды. Впрочем, можно найти и исследования, идущие наперекор этой тенденции. Кром привёл в пример труды Н.П. Павлова-Сильванского, которые стали решительным шагом не только в поиске сходств удельных порядков на Руси и в Западной Европе, но и в рождении систематического сравнительного метода. Закономерности в истории на аналогичных примерах пытался отыскать и Н.А. Рожков. Однако в целом вывод автора о состоянии отечественных изысканий в данном направлении неутешителен: «Одна из проблем современной российской компаративистики состоит в полном отсутствии методологических дискуссий и слабой информированности о нынешнем состоянии сравнительно-исторических исследований в мире» (с. 116). На мой взгляд, возможное объяснение заключает-

ся в том, что опыт новейшей (советской) истории России считается большинством учёных принципиально отличным от других путей исторического развития.

На примере известной дискуссии о специфике русского феодализма автор пришёл к выводу: «любая терминология, используемая исследователем (если только он не заимствует слова и понятия из источников изучаемой эпохи), по сути является сравнительной» (с. 211). Такое наблюдение можно считать общенаучным. Автор привёл интересное рассуждение биолога Г.Ю. Любарского о том, что «одинаковость (изоморфность) объектов есть результат научного аппарата, а не свойство реальности... Научный метод (в частности, сравнительный метод) делает реальные объекты сходными, сравнимыми, пригодными для дальнейшего изучения» (с. 147). Видимо, сопоставление само по себе может тяготеть к попытке найти как можно больше общего, а может, напротив, пойти по пути коллекционирования различий.

Если же взглянуть по аналогии с «феодализмом» на развитие понятия «капитализм», то возникает вопрос о его сравнительных возможностях (особенно в свете недавно опубликованной двухтомной «Кембриджской истории капитализма», описывающей развитие экономики от древневосточной до современной²). А следовательно, пока без ответа остаются вопросы, относятся ли к историко-сравнительным труды Ф. Броделя (которые даже не упоминаются в книге), и можно ли отнести к историческим сравнительные исследования капитализма И. Валлерстайна и его учеников.

Логично, что в историографии очень часто фигурируют сравнения, связанные с историческими заимствованиями (трансферами). На примерах дискуссий о предполагаемом заимствовании Русью институтов визиря, курултая или проноии автор убедительно доказал, что об этом можно говорить только в том случае, когда определены время, источник и механизм трансфера.

Историческое сравнение, как показывает исследовательская практика, является сложным не только из-за дефицита источников, но и потому, что выбор его типа

(диахронное или синхронное) и объектов не всегда очевиден. Например, если речь идёт о диахронном сравнении, с какой страной и какого времени уместно сравнить Московскую Русь? Ответы, встречающиеся в исследованиях, могут существенно различаться – это и Франкское государство VII–IX вв., и страны Центральной Европы XI–XII вв., и типичное государство раннего Нового времени (с. 214–215). В свою очередь, исследования по истории Нового и Новейшего времени часто используют синхронный тип сравнения, сопоставляя Российскую империю с Британской, русское крепостничество – с американским рабством, российскую революцию – с французской, и т.д.

Сильные и слабые стороны сравнений подробно рассмотрены в книге на примерах «Социальной истории России» Б.Н. Миронова и «Картографии царства» В. Кивельсон. Анализ этих трудов позволил автору ещё раз подтвердить свой вывод: такое сложное и многоликое общество, как Россия, нельзя рассматривать

как целостную единицу сравнительного анализа, а сопоставление её с абстрактными «Западом» или «Востоком» непродуктивно.

В заключение автор подчеркнул, что «не стоит забывать об экспериментальной природе сравнения, подразумевающей новаторство и изобретательность в решении поставленных задач» (с. 224). Хочется надеяться, что «Введение в историческую компаративистику» поспособствует такому новаторству, и мы по-новому увидим в сравнительной ретроспективе многие проблемы российской истории.

Примечания

¹ Некоторые полезные наблюдения об историческом сравнении в глобальном контексте можно увидеть в новейшей литературе. См., например: *Olstein D. Thinking history globally*. L., 2014.

² См.: *The Cambridge History of Capitalism*. Vol. 1. *The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848*; Vol. 2. *The Spread of Capitalism: From 1848 to the Present*. Cambridge, 2014.

Евгений Пчелов

Рец. на: Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 992 с.

Evgeniy Pchelov

(Russian State University for the Humanities)

Rec. ad op.: Drevniaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya. Moscow, 2014.

В 2014 г. отечественная историография пополнилась фундаментальным и во многом уникальным изданием – энциклопедией «Древняя Русь в средневековом мире», подготовленной большим коллективом авторов под общей редакцией ведущих специалистов по древнерусской истории Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. Замысел издания, где бы под одной обложкой давалась всесторонняя информация о жизни домонгольской Руси, возник ещё в 1990-х гг., тогда же был собран основной материал. Трудности вполне понятного свойства не позволили в то вре-

мя реализовать этот проект, но он не был забыт и теперь предлагается вниманию читателей.

Надо сказать, перед публикацией энциклопедии была проведена огромная дополнительная работа – многие статьи вновь отредактированы, расширены, исправлены, некоторые написаны заново, учтена и новейшая научная литература. Это оживило прежний текст и сделало его отвечающим современному состоянию науки. В результате получился объёмный том, в котором сжато, но весьма информативно представлены сведения не просто